

ИОАНН БОГОМИЛ

НОЧНОЙ ГО

10.12.2015 – 19.01.2016

СПИТАЛЬ

2016

П р е д и с л о в и е

Наедине со слезой,
или
Белые ночи помазанника

*Ты прости, Христос. Заболтали христианство.
И Мухаммед, прости. Об пол бухался напрасно.*

Иоанн Богомил

ДОБРЫЙ ОТЕЦ ВЫХОДИТ НА АВАНСЦЕНУ ИСТОРИИ, и его вдохновенным представителем и глашатаем является Иоанн Богомил, свидетельство чему – его новый поэтический сборник ‘Ночной госпиталь’.

Идти за Иоанном Богомилом захватывающе и страшно. Он прозревает такие глубины вселенной и времени, которые простому смертному недоступны. Поэтому, ступая за ним след в след, чувствуешь не только как ломаются и мелеют вчерашние стереотипы, становятся недействительными якобы совершенные истины, но как

всё мироздание предстает в совершенно ином свете! То, о чем ты догадывался туманно и неясно, что вызывало смутные домыслы, чего не мог принять, предстает как канон и аксиома.

Мир принадлежит силам зла, антиподу Доброго Бога, он под его властью. Отсюда – войны, болезни, зло, голодоморы, гулаги, тюрьмы... И вырваться из этого порочного круга – главная духовная задача человека.

Тематика сборника ‘Ночной госпиталь’ очерчена уже самим названием. Главный лейтмотив ее звучит так: ‘Страстное преображает хомосапиенса в святого’.

‘Путь на Голгофу начинается с приемных покоев’, – утверждает автор, и приводит детальное описание современной больницы:

В госпитале ни следа мамоны и магии.
На больничных койках ворочаются
затравленные бедолаги.
Стеклянный барак по утрам обращается
в парк-пара́йсо,
и на электрических пуста́рях зацветают
сады кипарисовые.

Становится понятно, что эта книга родилась в дни пребывания автора на больничном одре. Однако поэт

повествует не только о своих обстоятельствах, не только об ощущениях и переживаниях, которые выпали на его долю. Идея этого издания несравненно шире, глубже, всеохватнее и очерчена следующей константой: вся земля – госпиталь, больничная палата, санаторная зона, *‘где страх смерти гуляет по дну inferнальных болот и жрет каждого’*, где *‘вокруг инвалидушки без рученок и без ноженек в одеждах искусственных кожаных’*, где пациенты – *‘сплошные нарко и токси’* и, по сути, нет ни одного здорового и безгрешного, где полшага *‘от святой до умопомешанной’*...

Кругом мафия, обман, надувательство, фальсификация.
От человека осталась поддельная матрица.
Гуманоиды спешат увековечить свой тип механики,
чипов и общеобразовательной паники.

Города полны ядовитой нечисти, въедающейся в поры.
И уже совсем скоро человек пройдет грань, за которой
восстановление к добру невозможно.
И тогда – хоть вылезай вон из кожи.

...Ночной госпиталь чужд, как кафедральный собор,
и только о жизни-смерти там-и-здесь разговор.
Возвращаться необязательно в наши края,
можно наткнуться на неожиданного упыря.

Что остается? На кого надеяться человеку: на себя, собственную силу, находчивость, лукавство? Воистину –

на Божию Матерь уповайте,
пока не обрушились беды!
Приносите Ей спасительные обеты.

...После десяти бессонных ночей
ночной госпиталь превратился
в Колесницу миллиона Добрых Очей.
Земля подобрела хоть на йоту, хоть на миллиграмм,
хоть на сколечко –
прибавилось радости и уменьшилось горечка!

Автор старается избегать политических акцентов, они неприятны ему, поскольку политическая сфера заражена вирусом сатанизма. Но и откреститься от политики не всегда возможно, поскольку она проникла во все сферы земной жизни, и саму душу человека стремится опутать липкой паучьей паутиной (*'84-я разлагается от опухоли раковой'*). Отсюда вывод:

Не меркели с обами и оландами,
не саддамы хусейны с бен-ладенами –
рыцари нужны человечеству ладные!

Автор любит вкраплять в свои тексты афористические призывы и лозунги, напоминающие богомилские орифламмы, которые так и хочется набрать заглавными литерами, чтобы всегда были перед глазами, как путеводитель на пути к спасительному инобытию. Вот некоторые из них:

Мир, несмотря на дьявольские провокации, —
неминуемое наступление Б̄о̄гоцивилизации!

Фарисей, подобрей!

Между тем, смерть – плагиат.
Ее не пустят дальше спасительных врат.

Сила вражья не так страшна, как ее малюют.

Против фарисейских стрел и проклятий –
щит Божией Матери.

Помири Россию и Украину,
Гуань Минь, всегда легкая на помине!

Замечу попутно, что в книге много выраженно-украиноцентричных мотивов. Автор проникнут судьбой ныне разорванной и растерзанной Украины, его сердце постоянно обращено к Почаеву и Киеву, Луганску и Донецку, он охотно пользуется украинской лексикой (*‘старé як малé...’*). Здесь также немало интересных предвидений и пророчеств, смелых попыток прозревать будущее – но не взором обычного земного человека, а с высоты небес, которая доступна только мистикау, вхожему в высшие сферы и приближенному к Премудрости.

Новые Будды, Христы,
Мани, Зороастры
сходят в мир –
великолепно, прекрасно!

Блажен, у кого голова закружится
не от страха и ужаса –
от креста пятисолнечного богосупружества!
Мать Божия если смотрит – то прямо в глаза.

Всё, о чем бы ни писал поэт, пропущено через сердце, преломлено сквозь призму души. Немало говорит он и о себе: о собственных ощущениях и переживаниях, сомнениях и борениях, боли и тревоге. И такие

стихи воспринимаются как страницы из ночного блок-нота или штрихи к автопортрету.

Я встаю в четыре – полпятого.
Сердце помыслами не запятнано.
И – на молитву к кресту пятисолнечному
богомильскую Новобрачную полночью.

Самые яркие автобиографические мотивы звучат в стихотворении ‘Детская музыкалка’:

Никто не вменит мне в вину,
что в 12 лет влюбился в учительницу музыки
Т.Н.Коломнину.

Не привлекали специальности фельдшера
или дирижера трехгласного арпеджио.

В большом зале царила З.С.Арнопольская,
ученица Оборина.
Курс детских страхов проходили в темпе ускоренном.

В музыкалке им.Одоевского не находил ничего близкого
и потустороннего.

Нажать на клавишу было проще, чем на кнопку
телехроники.

И фортепианная классика отдавала больше страхами,
чем обертономикой.

Сквозь призму собственных ощущений, рождений и смертей, страданий и прозрений рассказывает о судьбе своего поколения, и будто говорит нам: 'Я – все!'

Да меня расстреляли в 1939-м
прямой наводкой из автомата.
А я не корчил из себя Калашникова
или чиновника важного.

На Соловке свалился в промерзлую яму –
прими меня на ручки, теплая Мама!

Я вчера только из роддома.
На глазах у фраера глаукома,
чтобы меньше видел, что видеть не надо.
Чуждый идолопоклонству за первомайским парадом.

В другом месте автор утверждает: *'Я с кого-то списал свою биографию, прицепил на нее фальшивую фотографию. Кто-то вместо меня прыгал, потел и позировал...'*

Еще один лейтмотив 'Ночного госпиталя' передан страстно-горячим признанием или даже огненным свидетельством: *'Я обожаю Христа'*. Любовь Иоанна Богомила ко Христу действительно всепоглощающая, жертвенная и святая, ибо пронизывает не только каждую

страницу, но каждое слово и букву этого уникального издания.

Когдаходишь в его бурлящую стихию, то остро чувствуешь: здесь действительно всё пламенеющее, пылающее и огненное. Но огонь слова особый: не слепит, а углубляет зрение, не пугает, а вдохновляет, не жжет, а возжигает... Придет время – и от него вспыхнут миллионы сердец, как негасимые свечечки.

Перед нами, по сути, дневник-ночник, который автор ведет в одноместной больничной палате. Поэтому здесь много воспоминаний, видений, медитаций, а также молитв и мечтаний, то есть всего того, что приходит на ум творческого человека, когда он остается наедине с Богом, с самим собой, с душой и слезой.

Я блажен и счастлив в одиночной палате!
Две сестрички в белых халатах облекли
в волшебную скатерть –
и полете-е-ла душенька далеко-далеченько
поклониться в ноженьки первому встречному...

Но о чем бы ни писал Иоанн Богомил, всё озвучено неземною музыкой, словно согрето ее сиянием, открылено ею, наполнено и облагорожено.

Музыка Царствия озвучивается моцартовскими адажио.

Отец из царствия Добрых Духов
транслирует музыку Абсолютного Прободенного Слуха.
Вкушайте моцартовско-гайдновско-шекспировский
‘Теогаментум’
перед принесением девственных обетов!

В ‘Ночном госпитале’ трудно найти кульминационный момент, поскольку поэтическое напряжение не спадает от первой до последней строки. Духовная температура зашкаливает. Ничто не звучит диссонансом, не выпадает из общего музыкологического тона. И все же я отметил бы кульминацию как *катарсис*. Только один раз автор употребляет это слово, но оно чрезвычайно красноречиво и уместно.

Катарсис. Омываюсь под душем слёз от ветхого прошлого.

В этой книге много чудесных находок и открытий, сжатых до взрывной силы крылатого выражения, например:

Настоящую поэзию пишут постмортем.

Люди – мученики, живые иконки.

Страх смерти преодолевается
за полсекунды до казни.
Страшно разве?

На больничной койке всё видится по-другому – трагичнее, болезненнее, страстнее. Здесь углубляется зрение сердца, открываются иные сферы, и обыденная повседневная речь кажется почти неприемлемой. Поэтому автор упорно ищет новых средств и форм выражения. Среди них наиболее характерное – обращение к уменьшительным суффиксам. И ранее любимые им, здесь они буквально на каждом шагу и выполняют важную функциональную и стилистическую роль. Диапазон их применения чрезвычайно широк: от придания предмету иронической и саркастической окраски до показа мира в его вивихнутом, искаженном состоянии.

Повисла на сибирской фортке Цветаевка.
Не успеешь сходить со страху по-маленькому,
как исправно сработает медицинская гильотинка.
Две шпалы пропоют задумчивые поминки...

Для сборника характерен также поиск новых ритмических рисунков, которых здесь множество. Вот хотя бы некоторые иллюстративные примеры:

Лады, лады, ладушки!
Сеструшки да братушки,
бабушки да матушки.
Светлы наши деточки –
древа жизни веточки!

Ай да домры,
ай да гусли!
Людей добрых
златоустье!

Нельзя обойти вниманием стихотворение 'Новогодняя 2016', которое напоминает небольшую поэму. В ней автор предстает певцом Брачной Вечери, глашатаем Премудрости, голосом Софии Пронной, преданным рыцарем Чаши и Креста. Все мы живем верой и надеждой на лучшую жизнь и лучший мир. И о.Иоанн усиливает эту надежду, очертив зримые контуры божественного мира:

где-то за поворотом
существует мир в тысячу раз лучший,
чем этот.

Это поэма о белых ночах помазанника, когда слезы текут безостановочно – тяжелые и светлые, биллокационные и благословенные, провидческие и благоуханные.

Но это не рыдание над собой, не ропот на несправедливые обиды судьбы, а высокий трепет вселенской души, где каждая слеза становится гимном Премудрости, пеаном Доброму Отцу и песней-осанной Любящей Матери.

К чему призывает автор?

Чего хочет, чего ждет от читателя?

Ответ звучит четко и неоднозначно, ясно и звонко, как голос трубы: п р о р ы в а !!!

Чтобы человеку стать счастливым, нужно разорвать пути земных условностей, которые наложил на него антипод Доброго Бога, нужно вырваться из пещерного дьяволочеловечества в богочеловечество – и тогда счастливые перемены не только придут, а станут неизбежными.

Духовный путь отличается одним штрихом характерным:
вторым рождением, ничего общего не имеющими с первым.

Должно родиться не через генитальные входы –
сердечные,
бессмертвованием отмеченные.

Поражает, как автор всегда по-новому, неожиданно и необычно очерчивает портреты своих друзей и соратников, любимых духовных предшественников и наставников, в частности Льва Толстого. Если бы собрать всё, что

написал Иоанн Богомил о великом яснополянском подвижнике, получился бы немалый по объему том. Но что интересно: в каждом новом сборнике появляются новые самобытные мысли, неожиданные и оригинальные повороты и штрихи, хотя везде сохраняется неизменно высокий пиетет восторга и удивления.

Я не Лев Толстой, чтобы пописывать романы как гений,
получая ежедневно шлепки от Софьи Андревны,
с рукописью 'Войны и мира' проходя
сквозь мещанские стены,
навязывая себя в противоположность тому, какой есть я.
Если удастся правдиво избежать мракобесия,
податься к христоверам из до одури Ясной Поляны,
чтобы избежать участи великого писателя окаянной.

Говоря словами самого автора, каждая строчка ярче предыдущей и напоминает волшебную шкатулку.

Настоящей жемчужиной сборника является цикл 'Золотые правила богомила', который состоит из тридцати стихотворений, соответствующих тридцати дням календаря. В краткой афористичной форме автор изложил основные принципы и тезисы богомилства, а также обобщил, систематизировал и подал в доступной и удобной для запоминания стихотворной форме мно-

гочисленные советы, призывы, наставления и заповеди. Основной мотив цикла можно выразить словами: *‘Избранники всегда держат курс на Инобытие’*. Говоря другими словами, духовный человек больше устремляется взором в мир горний, чем в земной.

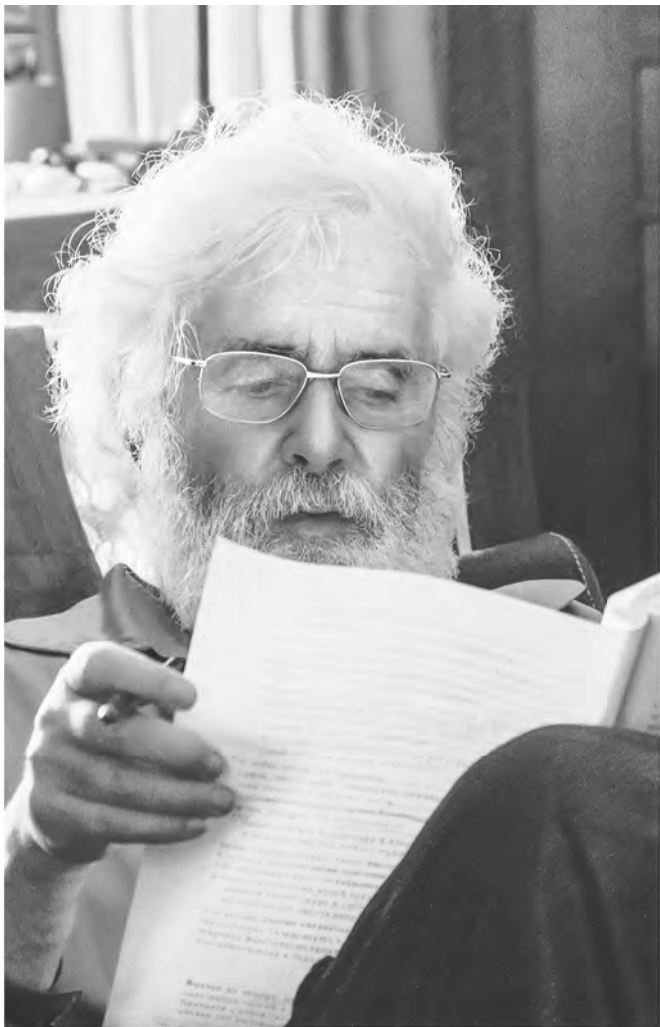
В этом цикле, как, собственно, во всей книге, много чудесных находок на уровне слова (‘восолнцевление’, ‘водевствование’, ‘бессмертование’), словосочетаний (‘остров Инобытия’, ‘солнце запредельной доброты’) и фраз (‘Путь зла на земле противопоказан’).

Книга открывает и очерчивает манящие пути познания истины, дает знания о новой грядущей богоцивилизации, что, бесспорно, очень важно и интересно. Но главное – она ставит преданному читателю щит и покров, зажигает над ним солнце запредельной доброты, навеивает мысли одна другой добрее. А следовательно – это поэзия, которая переводит стрелку часов с земного времени на вечное.

Добрейте. Вразумляйтесь. Ждите часа,
когда Премудрость призовет вас в замки иконостасные...

Петро Сорока,
писатель, член Международного ПЕН-Клуба
(Тернополь, Украина)

Иоанн Богомил, 2016

*Ты спасла мне жизнь,
Царица Небесная!*

*Отвоей
премилосердной
премудрости
благовѣствую.*

Морская акватория завершается городским танаторием**,
и если попали туда – горе вам.
Ходи-шляйся по скользкой от рыбьих очисток палубе,
пока на Белый корабль не подхватят где-нибудь в Малаге.

19.01.2016

* * *

Кругом зияющая пустота с паром от слез.
На стеклянных дверях – отпечатки моцартовских лакримоз.
Куда ведут двери с металлическими ручками?
Пациенты добрым ангелам препоручены?
злобным фуриям? Бог весть,
чем обернется 84-я смешанная³,
где полшага от святой до умопомешанной.

Лишь бы не вслепую, а как-то иначе.
Лишь бы отвечать как всегда невпопад.

Мол, да: несчастлив – и рад!
И крест нести – как идеальный профилактический аппарат,
возлагаемый на того, кто три платочка слез
за ночь проплачет –
никак не иначе.

19.01.2016

** Tanatorio (от др.греч. tanatos, смерть) – похоронная контора в Испании.

* * *

Покойничка занесло из обывательского рая
в страну сколопендр.
Рай от ада на Земле отстоит всего лишь на километр,
и сцепление обстоятельств абсолютно непредсказуемо,
а в логическом ключе – наказуемо.

19.01.2016

Уповайте на Божию Матерь!

Матерь Божия, *прости* мир.

Матерь Божия, *спаси* мир –
погибающий.

О спасении утопающих тоска та еще.

Один спасется из ста утопленников?

И тот притаился удобненько.

Тебя преступному подвергли бойкоту.

Кто призывает Царицу Небесную на земле идиотов?

Беззубая старушка с дрожащей рукою?

Преступники назавтра руки умоют,
пока не дождутся часа неминуемой кары.

(Есть преступления, стереть которые
не властны даже катары.)

На Божию Матерь уповайте,
пока не обрушились беды!
Приносите Ей спасительные обеты.

19.01.2016

Больные в стекляшках

Больные не умирают сию минуту.
Финал откладывается, на сколько – говорить не буду.
На сем держится кодекс больничный негласный.
Сюда едва ли вхожи органы госбезопасности.

Не скроешься от них ни белой простыней,
ни больничным халатом.
Нобелевский отблеск лауреата отправят в палату
к шизоидным психопатам.

Сервантес попьанствует с местными завирушками
и сбежит на свободу из медицинского гадюшника.

Стекляшки всюду: двери, окна, души
под парикмахерским гримом.

В таких условиях лучше пребыть анонимом,
иначе – невыносимо.

А то чего доброго откроют твой неотмирский статус
и на 180 переменят отношения градус.

19.01.2016

Ночной госпиталь

Страх смерти гонит на луга ядовитой мамоны.
Побеседовал с партнером по сотовому телефону –
и окочурился. И здесь же медперсонал,
чтобы кто из кармана часы не украл.

Оказаться на дне мирового колодца
бояться – от солдатика до полководца.
Вот и строчи рекомендации на героев
в приемных покоях Софии Пронхой.

В госпитале накроет глазастыми аппаратами.
Как пациента третьей мировой атомной
исполосуют подозрительными повязками.
Подкупают обхождениями ласковыми.

Пять коек в боковом секторе-боксе.

Пациенты – сплошные нарко и токси.

Уткнулся в кровать невротический одиночка.
Погрузился в темное блаженство бессрочное.
За ночь выплакал слез белый платочек...
А глазелки у пациента смотрят куда-то вовнутрь.
Со стукачом соседа не спутай.

Страх смерти гуляет по днищу
инфернальных болот
и по очереди каждого жрет.

Привычны подобные обстоятельства или незнакомы –
бог весть. На глазах спасительная глаукома.
Медицинская клизма вгрызается аллигаторскими зубами,
как маленькое желудочное цунами.

...А вокруг инвалидушки хороводят
без ручек и ноженек
в одеждах искусственных кожаных.

19.01.2016

* * *

После десяти бессонных ночей
ночной госпиталь превратился
в Колесницу миллиона Добрых Очей.
Земля подобрела – хоть на йоту, хоть на миллиграмм,
хоть насколечко –
прибавилось радости и уменьшилось горечка!

19.01.2016

Библиотека

Библиотека пуста без разбору,
как без больного пациента — кровать.

И нечего ждать.

Классики померли один за другим,
и не сыскать их анонимных могил,

точно их в братские бросили или замуровали в бетон
в гулаговском тридцать шестом...

От 200-томного собрания остались одни многоточия,
но и их уточнить собралась комиссия полуночная.

А захочешь радости и веселья —
не найдешь их в детективном бестселлере.

Глазки закрыл, лег на бочок —
и досматривай сонливое ретро,
пока полица́й не остановит на шестом километре.

19.01.2016

Богомильский хоровод на Кубе

Жив Фидель Кастро —
друг Зороастра?

А Че Гевара
растворился с чайным отваром.

Последняя вечеринка

Светломамочка,

Ты моя радость, свет и надежда.
Нуждаюсь в Тебе еще больше, чем прежде.
Старé як малé, как говорила еще моя бабушка.
Чаю покрова твоего – надмирного, радужного.

И чем дальше, тем фатальнее приближаются сроки.
Церкви и мечети удаляются от синагоги,
и остается человек наедине с собой, одинокий.

Устарели религиозные регламенты и модели.
Мир на грани великих свершений!

А часы тянутся чередой холодной...
У хомосапиенсов сплошные невзгоды.
Кризисы, крахи, банкротства
и помыслов бытовое уродство.
(Был бы самоубийца, а петля для придурка найдется.)

Отложи, Мать Божия, времена
хоть на четвертинку.
Справим литургии последнюю вечеринку,
и – на Белый корабль всем скопом
перед очередным вселенским потопом.

19.01.2016

Мир в 144 замках духовного сердца

Мир

в 144 замках духовного сердца.
Открывайте царские дворцы,
и пусть у входов стоят царедворцы
духовного солнца!

Земля полнится неземными блаженными знаками!
А 84-я разлагается от опухоли раковой.

19.01.2016

* * *

ах, Мамочка наша Соловецкая, Небесная Скорая!
Помоги погибающему человечеству, Теоэнхендрадора⁷.
Помести его совокупно в госпиталь стариковский
с диагнозом неизлечимой болезни второголгофской⁸.

19.01.2016

Гуань Минь

О, Гуань Минь!

Величайшая из святынь,
Добрейшая из богинь.

о том о сем и в ритме песенном
с Секир-горы скатится весело

на частоколе деревянном с полдня покрасуется
разнообразит пейзажем проезжую улицу
Кто-нибудь, причарованный ей, залюбуется
Замуруют ее в дорожной бетонке
санитарные городские подонки

Всё болталась между поездными колесами
недоверчивыми взглядами исполосанная
Водичку добывала из рва канализационного
Питалась кто что бродяге посоветывал

Пришло время – отбросила последнюю маску
Исповедала отцом своим доброго Ахурамáзду
И помереть нисколько не боязно
на больничной койке и под колесами поезда

А сердце стучит себе в ритме стаккато
Ему привычно одиноко, безбратно
И нет пути возвращения обратно.

А завтра как сложится,
Путеводящей открыто –
хоть полсуток простоять у чужого корыта.

18.01.2016

* * *

¹ **М**ир, несмотря на дьявольские провокации, —
неминуемое наступление Богоцивилизации!

² Ракетодромы запечатаны наглухо,
американские и российские одинаково!

³ На их местах — богомильские лестницы.
Земнородные по-прежнему несут окоlesiцу...

⁴ Черная церковь питает
присоски паразитические,
и по земле нагло ползают змеи
в человеческом облиции.

18.01.2016

Зарисовка

У страха смерти глаза велики,
как у смертного перед ближним —
нескончаемые долги.

В глазах ничего кроме смертной тоски.
Не видно ни зги.

И больше в ваши края я не ходок.
Достаточно задержался и изнемог.
Хватит с меня Соловков и Секирок^а,
лиц тяжелых, заказных и унылых.

У хомосапиенсов на глазах глаукома.
Не видят в упор ближайших знакомых.

А когда смерть отнимется – откроется им такое!
Вход во святейшее святых святое –
о чем не мечтали ни в сказках, ни в присказках...
А пока на челе у собеседника написано:
‘Не подходи близко’.

18.01.2016

Триумф Миннэ

О Миннэ,
человечество погибает по чьей-то вине.
Откройся, Миннэ, любовь какой нет на земле!
Исцели слепоро́жденных с на глазах глаукомой.
Познакомь их с духовностью им незнакомой..

Хватит танатосу прятаться
в змеином клубочке.
На земле сплошь одиночки.
Их полмиллиарда, полтонны,
и больше подражатели, зла эпигоны.
На таблетку танатоса посажены
по сотовому телефону.

Между тем, смерть – плагиат.
Ее не пустят дальше спасительных врат,
за которыми небесные стражи стоят.
И – прощай, реле гуманоидных технологий,
идеалы, один другого темней и убогей.

Бессмертвoвāние.

Водевствoвлēние.

Восолнцевлēние!

Составoв стопроцентное обновлēние.

Второе свыше рoждēние.

Какие катафалки, саркофаги, гробницы, пещеры?
Какие сферы инферно?
Белые корабли с маршрутом на Протоманьяну^{10!}
И готовь для подарков пустые карманы.

18.01.2016

Пятисолнечный крест¹¹

Блаженства Богородицы во внутренних обнаружили –
крест в пяти окружностях богосупружества.
Частный ⁽¹⁾ сменился разделенным, за ближнего ⁽²⁾ –
и уже как христа юридивого боготворíшь его.

При всечеловеческом ⁽³⁾ покойнички повыбирались
из камней саркофажных
и вышли победителями из со злыми духами рукопашной.
Страстнóе обратило в блаженства нестерпимые скорби.
Богомилы захороводили на местах бывших
шабашных оргий.

При разделении межгалактического креста ⁽⁴⁾
орлиные выросли крылышки
и Брачный чертог ⁽⁵⁾ открылся, недоступный
по соображениям нынешним.

19.12.2015

Слава пятидискового креста

- ¹ Славен крест пятидисковый,
пятисолнечный,
на челе проступающий Новобрачную полночью!
- ² Крест блаженный, у зэка́ обнаруженный,
в пяти окружностях богосупружества –
- ³ от личного аж до брачночертожного,
в покоях Жениха Даждь-Добробоженьки.
- ⁴ И Гулаг тотчас превращается в Брачный чертог,
и в Брачные палаты – столичный Мосторг...

- ⁵ А чем пыливей голгофа, тем ложе теснее.
Перед пятисолнечным крестом благоговею:
- ⁶ помазаннический, брачночертожный –
сочетает в одно с творением Божиим.
- ⁷ И больше ты не чудак-одиночка –
маленький крест во внутреннем замироточил,
- ⁸ а на нем отпечатались божества
от Христа до Зороастра,
несравненной красоты иконостасной,
полуторатысячепостасной
- ⁹ и помазанников нескончаемый перечень.
А на вершине – кресла Дамы из Эльче¹².
- ¹⁰ Как свеча разгорается пятидисковый...
В ближнем его близоруко отыскивай.
- ¹¹ И смертный страх от него обессилевает.
150 поклончиков положи с м.Евфросинией¹³ –
- ¹² и держава смертного страха на глазах обесточена,
и кость бессмертная у победителя замироточила.

18.01.2016

Содержание

Наедине со слезой, или Белые ночи помазанника <i>Предисловие</i>	5
Карфагенская больница в часы приема Иоанна Богомила	23
‘Кругом зияющая пустота с паром от слез’	25
‘Покойничка занесло из обывательского рая в страну сколопендр’	26
Уповайте на Божию Матерь!	26
Больные в стекляшках	27
Ночной госпиталь	28
‘После десяти бессонных ночей’	29
Библиотека	30
Богомильский хоровод на Кубе	30

Последняя вечеринка	32
Мир в 144 замках духовного сердца	33
‘Ах, Мамочка наша Соловецкая, Небесная Скорая!’ . . .	33
Гуань Минь	33
Под колесами поезда	34
‘Мир, несмотря на дьявольские провокации’	36
Зарисовка	36
Триумф Миннэ	37
Пятисолнечный крест	38
Слава пятидискового креста	39
Отец Добрых Духов и Сатана-Чужестранец	41
На пятой орбите креста	42
Эстранхэро	42
Отец Наидобрейших Духов	43
Евангелие Отчее	44
Статуя Гуань Минь	44
Отец-солнце	45
Утренняя	46
О радость!	47
Искажение истории	48
Черная и Белая церкви	48
‘Где ты сейчас, матушка Консоламентиса?’	49
На больничной голгофе	50

Медицинская стекляшка	52
Ко кресту пятисолнечному	53
Детская музыкалка	54
В одиночной палате	54
Царствие добрейшего света	55
Души с непорочной меткой на челе	56
Печати Отца	56
Державная юродивая	57
‘Царица мира, управляй миром, Державная’	59
Старый русский город	59
Богородица Белоцерковная	60
Отец миллионкрат добрее	61
‘Отец из царствия Добрых Духов’	62
Остановка поезда	62
Сам себе эстранхэро	64
‘Настоящую поэзию пишут постмортем’	67
‘Только бы принять за основу не видеть ничего дурного’	67
Мост	68
В камере 30-08	69
Страх смерти	70
Секирка в Париже	72
Радование	73

Новогодняя 2016	80
‘О — О — научи нас, как жить’	87
‘Потерял я друга нежного’	88
Повесть Неудачного Срока	88
‘Ближний дрыхнет ночью’	90
‘Продлевай земные дни, Мамочка, пока не надоест’	90
‘У кого рак, у кого мигрень, у кого СПИД’	91
Прорыв	92
Священный Промежуток	94
Пересечение дорог	95
Лев Толстой	97
Не плачь, Богуславская	97
‘Лучше не смотреть на свое лицо в зеркалку’	99
Если и дальше в таком же духе	100
‘Матерь Божия, очисти мир от зла, похоти и мерзости’	102
По подземному коридору	102
Золотая скрижаль духовного сердца	105
КОЛЕСНИЦА МИЛЛИОНА ДОБРЫХ ОЧЕЙ	113
ЭКЗОРТИЧЕСКАЯ 2016	128
Встреча по вере	134
Безмаршрутный автобус	136

‘Хорошо умирать на чьих-то руках’	138
Доброе Иномирие	139
‘Да брось кичиться трудом своим каторжным’	140
‘Вишневскую видел мельком, Вознесенского воочию’	140
Вагон трудней в степи	140
‘...Встретимся случайно краешком глаза’	141
Мамочка добрейшая, целомудреннейшая	143
Сияние Колесницы Добрых Очей над миром.	144
Радения на льду Белоозера	148
Земнородные захороводили..	149
Птичка в клетке.	152
Стариковская колыбельная	156
В иномирии	157
‘Боженник Христа. Обожаю Христа’	158
‘Я обожаю Христа: олицетворенная чистота’	158
ЗОЛОТЫЕ ПРАВИЛА БОГОМИЛА, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ 30 ДНЯМ КАЛЕНДАРЯ	161
Богомильский календарь	173
‘Я хотел бы спрятаться в божественных промежутках’	175
СОЛОВЕЦКИЙ ТЕОГАМЕНТУМ	176
МАТУШКА ЕВФРОСИНИЯ. <i>Пьеса в шести действиях</i>	188

ПОСТСКРИПТУМ	210
Народный Христос начала III тысячелетия. <i>Об авторе 'Ночной госпиталь'</i>	218
ГЛОССАРИЙ	230
СОДЕРЖАНИЕ	240